

Аверьянова Екатерина Викторовна

ИСКУШЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ЖИТИЙНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XV – XVII В.

В статье выявляется грамматическая репрезентация речевого акта искушения в православном житийном дискурсе середины XV – XVII в. Многие исследователи сейчас стремятся обнаружить взаимосвязь между манипуляцией и грамматикой. В данной статье автор пришел к выводу, что речевой акт искушения представлен в житийном дискурсе на церковнославянском языке исключительно условными конструкциями. Искушение реализуется как при помощи прототипических условных конструкций, таких как сложноподчиненные предложения и осложненные предложения, а также при помощи периферийных условных конструкций – сложносочиненных предложений и сложных союзных предложений, сверхфразовых единств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1'42

Филологические науки

В статье выявляется грамматическая репрезентация речевого акта искушения в православном житийном дискурсе середины XV – XVII в. Многие исследователи сейчас стремятся обнаружить взаимосвязь между манипуляцией и грамматикой. В данной статье автор пришел к выводу, что речевой акт искушения представлен в житийном дискурсе на церковнославянском языке исключительно условными конструкциями. Искушение реализуется как при помощи прототипических условных конструкций, таких как сложноподчиненные предложения и осложненные предложения, а также при помощи периферийных условных конструкций – сложносочиненных предложений и сложных союзных предложений, сверхфразовых единств.

Ключевые слова и фразы: грамматическая репрезентация речевого акта искушения; манипуляция; условные конструкции; искушение; речевой акт; дискурс.

Аверьянова Екатерина Викторовна, к. филол. н.

Тюменский государственный университет

ekaterina.tioumen@gmail.com

ИСКУШЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ЖИТИЙНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XV – XVII В. ©

Статья посвящена выявлению средств выражения искушения в православном житийном дискурсе на материале житий святых середины XV – XVII в. (2400 страниц). Актуальность темы обусловлена тем, что манипуляция в житийном дискурсе пока не была изучена. Наряду с искушением, мы исследуем в других работах запугивание, оболщание, провокацию, предписание и запрет [1; 2; 3; 4].

А.-Ж. Греймас и Ж. Куртес рассматривают искушение как вид манипуляции и понимают как предложение обмена положительными ценностями [18, р. 220], например: *приди ко мне, и я исцелю тебя*. Представляется, что существует взаимозависимость между таким явлением дискурса, как искушение, и грамматикой. Согласно нашей гипотезе, искушение имеет регулярные языковые средства выражения в православном житийном дискурсе середины XV – XVII в.

Искушение реализуется в дискурсе в виде речевого акта искушения. В известных нам классификациях речевых актов речевой акт искушения не выделяется [5; 11; 13; 14; 15; 16; 19]. Согласно Сёрлю, директивы имеют своей целью заставить собеседника сделать что-либо. При искушении говорящий побуждает собеседника сделать что-либо в интересах говорящего, обещая при этом сделать что-либо в пользу собеседника. Следовательно, речевой акт искушения относится одновременно к директивам и комиссивам, как предостережение и угроза, которые отмечены в существующих классификациях [Там же]. Иллокутивная сила речевого акта искушения идентична иллокутивной силе предостережения и угрозы, но при этом их пропозиции различаются: при предостережении и угрозе говорящий побуждает собеседника не совершать нежелательное для говорящего действие и обязуется в ответ сделать что-либо вопреки интересам собеседника. Ввиду того, что предостережение и угроза рассматриваются исследователями как виды директивного речевого акта, мы рассматриваем речевой акт искушения как отдельный вид директивов.

В древнерусских житиях середины XV – XVII в. нами было выявлено 762 речевых акта искушения. Рассмотрим конкретную реализацию речевого акта искушения: *аще с вѣроу приидеши, всяко исцѣлѣши* [12]. Данный речевой акт искушения реализуется при помощи условной конструкции, где зависимая часть содержит глагол 2 лица в будущем времени. При этом в главном предложении употребляется глагол 2 лица в будущем времени.

В. С. Храковский с соавторами относит к прототипическим условным конструкциям сложноподчиненные предложения условия и осложненные предложения условия, тогда как к периферии относятся сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения, сверхфразовые единства и обобщенные условные конструкции [17]. Все другие необобщенные конструкции принято называть реальными, поскольку они имеют конкретные референты.

Проведенное нами исследование выявило, что речевой акт и макроакт искушения представлены только условными конструкциями. Всего реальных условных конструкций было выявлено 395, или 51,9% от общего числа искушений.

Нами было выявлено 113 речевых актов искушения в виде сложноподчиненных предложений условия, или 14,9% от общего числа искушений. При этом условное придаточное предложение вводится при помощи союза *аще* (если): *аще же исцѣлѣтъ отрок мой, на едино лѣто вставлю его троужатиѣ во вшителѣ твоей стѣи на стоюу братію* [7].

Как правило (108 случаев из 113), главная часть условной конструкции, выражающая обязательство, следует за зависимой частью, выражающей условие: *аще избавиши мѧ ѿ недѣга сегѣ, то идѣ в монастырь твой и встригѣ власы главы своѣя, и прочаѧ лѣта поживѣ в покалнѣи* [10].

В 56 случаях после зависимой части стоит коррелятивный союз *то*: *аще ли Бгѣ ѿиметъ волѣзнь сѣю, и подастъ мнѣ зравіе, то обѣщаюса инокѣ быти въ Печерскомъ стѣомъ монастырѣ при блаженномъ Полкарпѣ* [6].

В 38 случаях между зависимой и главной частями союз отсутствует: **аще вѣрѹете и крѣтитесь, спасени вѣдете** [Там же].

Было обнаружено 248 речевых актов искушения, представленных сложносочиненными и бессоюзными сложными предложениями условия, или 31,5% от общего числа искушений. Такие предложения относятся к периферийным условным конструкциям.

Как правило, предложение, выражающее условие, содержащее повелительное наклонение, предшествует предложению, выражающему следствие: **Ты ж испайса въ Иерданѣ, авѣ исцѣлѣши** [12].

В 108 случаях из 240 главная часть условной конструкции присоединяется к зависимой при помощи союза **и**: **марѣа вѣрѹ имѣѣи къ вѣженномѹ крѣпкомѹ бѣломѹ, и вѣдѣши здрава ѿ волѣзни сеа** [9].

Главная часть условной конструкции может быть присоединена к зависимой части при помощи соединительного союза **да** (76 случаев из 248): **молитесьж другъ за другъ да исцѣлѣете** [8].

В главной части условной конструкции может не быть соединительного союза (61 случай из 248). Тогда речь идет о бессоюзном сложном предложении: **скажи ми гдѣ поутѣ твои, в онже пойдѹ** [7].

Нами были выявлены 34 макроакта искушения, представленных сверхфразовыми единствами (4,5% от общего числа искушений).

Как правило, зависимая часть сверхфразового единства, выражающая условие, предшествует главной части, выражающей следствие (26 из 34): **живоначалама триѣца исцѣлѣити тѣа может и здравѣе подаетъ ти вскорѣ. Токмо ты не славевай в дѣло сѣе** [Там же].

Мы рассмотрели реальные предложения, реализующие речевой акт искушения. Но были также обнаружены обобщенные условные конструкции, относящиеся к периферии. Всего их мы выявили 367, или 48,1% от общего числа искушений.

При обобщенном искушении самая распространенная группа примеров представлена осложненными предложениями, которые не были зафиксированы в реальных предложениях. Как правило, адресат выражен причастием (147 случаев). Зависимая часть представлена сжато и не содержит глагола, тогда как главная часть содержит глагол. Рассмотрим обобщенное искушение в осложненном предложении: **претерпѣвый бо, рече, до конца, той спасется** [12]. Как видно, зависимая часть и адресат выражены страдательным причастием прошедшего времени.

Таким образом, мы рассмотрели грамматическую репрезентацию речевого акта искушения в православном житийном дискурсе середины XV – XVII в. Было установлено, что речевой акт искушения представлен сложноподчиненными, сложносочиненными условными предложениями, сложными бессоюзными условными предложениями, а также осложненными условными предложениями и сверхфразовыми единствами. Следовательно, можно утверждать о наличии взаимозависимости между речевым актом искушения и условными конструкциями.

Список литературы

1. **Аверьянова Е. В.** Архетипическая структура искушения и запугивания в древнерусском языке // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 165-170.
2. **Аверьянова Е. В.** Манипулятивная фигура обольщения в религиозном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 66. № 17 (271). С. 13-17.
3. **Аверьянова Е. В.** Предписание и запрет как манипулятивные категории // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 60-63.
4. **Аверьянова Е. В.** Фигура провокации в религиозном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 17-19.
5. **Богданов В. В.** Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин: Изд-во КГУ, 1989. С. 27-28.
6. **Димитрий Ростовский.** Жития святых [Электронный ресурс]: в четырех книгах. Киево-Печерская Лавра, 1764. Серия «Святоотеческое наследие». СПб.: Аксион эстин, 2009. Вып. 2. Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709). 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. **Житие преподобного Антония Сийского** [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 21.01.2014).
8. **Житие преподобного Дионисия Глушицкого** [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 21.01.2014).
9. **Житие преподобного Кирилла Новозерского** [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 21.01.2014).
10. **Житие преподобного Павла Обнорского (чудеса)** [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 21.01.2014).
11. **Комина Н. А.** Систематика коммуникативно-прагматических типов высказывания // Прагматические аспекты функционирования языка. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1983. С. 93-101.
12. **Макарий.** Великие Минеи Четири [Электронный ресурс] // Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482-1563). Серия «Святоотеческое наследие». СПб.: Аксион эстин, 2009. Вып. 1. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
13. **Почепцов Г. Г.** Прагматика предложения // Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. С. 267-281.
14. **Румянцева Н. В.** Функционирование высказываний со значением просьбы в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 169-172.

15. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151-169.
16. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242-263.
17. Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7-96.
18. Greimas A.-J., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. P.: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.
19. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London – N. Y., 1983. 250 p.

TEMPTATION IN ORTHODOX HAGIOGRAPHICAL DISCOURSE OF THE MIDDLE OF THE XVTH – THE XVIITH CENTURY

Aver'yanova Ekaterina Viktorovna, Ph. D. in Philology
Tyumen State University
ekaterina.tioumen@gmail.com

The grammatical representation of temptation speech act in the Orthodox hagiographical discourse of the middle of the XVth – the XVIIth century is revealed in the article. Nowadays many researchers are aimed at finding out the interconnection between manipulation and grammar. In this article the author came to the conclusion that temptation speech act is presented in the Old Church Slavonic hagiographical discourse only with conditional constructions. Temptation is realized with the help of both prototypical conditional constructions, such as compound and complicated sentences, and peripheral conditional constructions – complex sentences and composite conjunctive sentences, complex syntactic totals.

Key words and phrases: grammatical representation of temptation speech act; manipulation; conditional constructions; temptation; speech act; discourse.

УДК 81'42; 801.7

Филологические науки

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию как в центральных, так и в периферийных персонажах романа «Идиот». Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является новым для современной филологии и может стать новым инструментом интерпретации мировидения Ф. М. Достоевского, а следовательно, и новым способом прочтения итоговых произведений писателя.

Ключевые слова и фразы: когнитивная метафора; метафорическая модель; метафоризация; антитеза; Бог; дьявол.

Азаренко Надежда Александровна, к. филол. н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
azarenko.nadezhda@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБРАЗОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»©

Как мы уже неоднократно отмечали [3], всё или почти всё послекаторжное творчество Достоевского может быть понято исключительно через призму Священной Истории (в основном новозаветной), и Христос хотя и главный, но не единственный ее персонаж, поэтому и в романе «Идиот», и в других романах «Великого Пятикнижия» метафорически представлены и другие образы Заветов, что и предопределило **цель** настоящего исследования – описать основные языковые средства представления религиозной метафоры периферийных образов второго романа «Пятикнижия».

В анализируемом произведении повторяется евангельская схема истинного и ложного «конвоя страданий» у распятия Спасителя. Мышкин соответствует Христу, Ганя Иволгин – «пробудившемуся» разбойнику, а Парфен Рогожин – безумному разбойнику с находящейся в плену бесовщины душой. Сразу два образа – Мари и Настасьи Филипповны – читаются как метафоры блудницы Марии Магдалины, прощенной Христом-Мышкиным.

Как неоднократно отмечалось исследователями, в фамилии Настасьи Филипповны Барашковой заключена идея жертвенности. Та же идея и та же метафоричность заключены и в образе Мари из швейцарской деревни. Эти образы можно назвать образами-двойниками, что очень характерно для Достоевского [2]. Однако чаще двойники находятся в разных романах, например, с метафорой Марии Магдалины мы уже встречались в предыдущем романе писателя и встретимся в последнем – в образе Аграфены Александровны Светловой. Однако наиболее близки между собой образы-жертвы из одного романа: и Мари, и Настасья Филипповна погибают, в отличие от своих образов-сестер [8, с. 97].